X 157
1 экз
М
В

С. ВАСИЛЬЕВЪ.

ХИТРАЯ МЕХАНИКА

— или —

КАКЪ НЕЗАМѢТНО ГРАБЯТЪ НАРОДЪ.

(Бесѣды о косвенныхъ налогахъ).

Изданіе „ЕДИНЕНІЕ“
Одесса, Софіевскій пер. № 7, почт. ящ. 577.

Цѣна 35 коп.

ОДЕССА.
Тип. Акціонернаго Южно-Русскаго О-ва Печатнаго Дѣла
Пушкинская ул., соб. д. № 18.
1917.

С. ВАСИЛЬЕВЪ.

ХИТРАЯ МЕХАНИКА

— или —

КАКЪ НЕЗАМѢТНО ГРАБЯТЪ НАРОДЪ.

(Бесѣды о косвенныхъ налогахъ).

Изданіе „ЕДИНЕНІЕ“.
Одесса, Софіевскій пер. № 7, почт. ящ. 577.

ОДЕССА.
Типографія Акц. Южно-Русск. Общ. Печатнаго Дѣла.
Пушкинская улица, собствен. домъ, № 18.
1917.

ИНВЕНТАРИЗАЦИЯ
2008

П

МВ
Р

Библ[illegible]ека
Институт[illegible]
имени [illegible]

35127.

Хитрая механика.

I.

Есть у насъ на селѣ совсѣмъ особенный человѣкъ по прозванью Степанъ. Очень наши односельчане всѣ его уважаютъ. Человѣкъ то ужъ онъ больно дошлый, совѣстливый да правдивый. Никого не боится, всѣмъ правду матку такъ въ глаза и рѣжетъ. Какъ схватится онъ иной разъ съ писаремъ, старшиной или урядникомъ—бѣда! Страсть какой зубастый. Вотъ ужъ подлинно за словомъ въ карманъ не полѣзетъ. Тѣ ему слово, а онъ имъ двадцать—на все отвѣтъ найдетъ, да такой, что совсѣмъ начисто уложитъ: осрамитъ, сконфузитъ при всемъ честномъ народѣ. А если кто изъ насъ въ бѣду попадетъ—начальство начнетъ тѣснить или еще что приключится, то Степанъ готовъ послѣднее отдать, и словомъ и дѣломъ помочь, никого не побоится. И его совѣтовъ слушаются, потому никто лучше его у насъ всѣхъ дѣлъ не знаетъ; кому какое прошеніе ли написать, жалобу ли подать, письмо ли написать, или просто такъ совѣта спросить,—всѣ идутъ къ Степану. Кто за дѣломъ приходитъ, никому отказу не бываетъ. Вотъ за все это сильно не взлюбили Степана наши воротилы. Всѣмъ онъ имъ сталъ поперекъ горла: не разъ уже выводилъ на свѣжую воду всѣ ихъ плутни да каверзы противъ міра. И ругаютъ же они его, страсть! А связываться съ нимъ все же опасаются. Очень онъ ужъ человѣкъ ловкій да смѣлый, себя въ обиду не дастъ: чуть что, шумъ такой подыметъ, что они не рады ужъ, что съ нимъ связались. Самъ онъ не нашей губерніи, дальній, и попалъ къ намъ не по своей волѣ—выслали его къ намъ подъ надзоръ. А до этого онъ гдѣ-гдѣ не перебывалъ, чуть не всю Россію исходилъ. И всякого горя въ своей жизни натерпѣлся, пришлось ему и съ сумой и съ тюрьмой знакомство свести Только не за плохія дѣла попалъ онъ въ тюрьму, а за то, что за своихъ односельчанъ больно горячо вступился Голодовка у нихъ тамъ была, а начальство никакой помощи не оказывало.

Міръ и послалъ Степана въ Питеръ съ жалобой на начальство, да хлопотать о пособіи. А въ Питерѣ вмѣсто пособія то забрали Степана да этапнымъ порядкомъ домой воротили. Онъ съ этапу сбѣжалъ да опять въ Питеръ. Тогда ужъ его скрутили, засадили въ тюрьму да выслали подъ полицейскій надзоръ—онъ де мужиковъ противъ начальства бунтуетъ; не могутъ де они смирно и съ голоду помирать—все начальство безпокоятъ.

Много разныхъ разговоровъ было у меня со Степаномъ о нашей горькой долѣ, о житьѣ нашемъ маятномъ. Одной такой бесѣды я, кажется, во всю жизнь не забуду. О ней то мнѣ и охота вамъ разсказать теперь.

Зашли мы разъ съ дядей Степаномъ въ трактиръ: село то наше большое, на трактѣ,—трактиръ есть. День морозный выдался, а мы въ волость ходили, верстъ за восемь. Иззябли, зашли въ трактиръ погрѣться, выпили по рюмкѣ.

— А не дурно бы, говорю я Степану,— съ морозу то и еще по рюмочкѣ пропустить.

— Не дурно бы,—говоритъ Степанъ,—да только вездѣ намъ правительство съ дворянами да купцами поперекъ горла становится.

— А при чемъ тутъ дворяне да купцы? Свои денежки то—пей, коли есть...

—А коли нѣтъ? То-то вотъ, что въ карманѣ-то и безъ того не густо. А вотъ, кабы не купцы, да дворяне, да царь, такъ каждый изъ насъ за тѣ же деньги и самъ бы по рюмкѣ выпилъ, и еще троихъ угостилъ!

— Да полно, Степанъ, кто же у насъ рюмочку то отниметъ, коли мы за нее свои денежки заплатимъ?

— Заплатимъ?.. А чѣмъ заплатимъ? Пойми ты, милый человѣкъ, что есть у тебя, примѣрно, 8 коп., такъ ты по настоящему, долженъ купить,—4 сотки, а тебѣ на нихъ всего одну даютъ. И выходитъ, значитъ, что 3 то сотки у тебя изъ подъ носу вытаскиваютъ... Значитъ, какъ только ты себѣ стаканчикъ очищенной въ ротъ—хлопъ! такъ сейчасъ возлѣ тебя 3 стаканчика... да чиновники, да дворянчики разные тоже на твои денежки—хлопъ!

Огорошилъ онъ меня этими словами.

— „Да почему бы такъ?“ спрашиваю.—„Вѣдь этакъ и... и чиновники, и дворяне должны все бы пьяны быть... Шутка ли съ каждымъ человѣкомъ по 3 стакана пить! Мало ли народу въ Россіи каждый день пьетъ!“

— Въ томъ то и штука, что они, значитъ, вина не пьютъ, а твои денежки въ свой карманъ кладутъ. Понялъ?

— Мудрено что-то, въ толкъ не возьму! Да какимъ же это манеромъ?

А вотъ какимъ: знаешь небось, что теперь „монополію“ на водку ввели, казенныя винные лавки вездѣ понастроили. Стала виномъ казна торговать. Раньше водку продавали сами заводчики и платили только акцизъ въ казну. Заводчикъ могъ бы продавать водку съ выгодой по 60 коп. ведро, а акцизу онъ долженъ былъ платить по 4 р. 40 к. за ведро. Купецъ, что скупалъ у заводчика водку и продавалъ по мелочамъ, тоже хотѣлъ что-нибудь „за труды свои“ получить, вотъ и бралъ за водку не 5, а ужъ 6 р. Акцизъ выплачивалъ будто въ казну заводчикъ, да только выбиралъ то эти деньги заводчикъ съ купца; купецъ тоже платилъ ему не изъ своего кармана, а собиралъ денежки съ нашего же брата, что у него водку по мелочамъ покупалъ. Значитъ, безъ акцизу стоила бы намъ сотка не 6, а полторы либо 2 коп. Съ каждаго ведра 4 р. 40 к. шло въ казну.

— Ишь ты вѣдь, какую уйму деньжищь небось собирали! Ну, да вѣдь это дѣло прошлое, теперь, слышалъ я, акцизу нѣтъ; что же это водка то не подешевѣла?

— А вотъ послушай, что дальше было. Большія тысячи съ акцизу казна матушка получала, но и этого показалось мало министрамъ. Рѣшили они сами торговать водкой, чтобы побольше на ней доходу имѣть. Теперь казна сама скупаетъ у заводчиковъ водку; они теперь уже не смѣютъ продавать никому на сторону. И установила казна цѣну на водку 7 р. 60 к. за ведро. Министръ самъ писалъ, что со всѣми расходами ведро водки обходится ему 2 рубля, а продаетъ онъ его по 7 р. 60 к., а за сотку 8 к. Стало быть, намъ приходится платить за водку вчетверо дороже, чѣмъ она на самомъ дѣлѣ стоитъ. И выходитъ, что вмѣсто 4-хъ стаканчиковъ намъ можно выпить только по одному.

— И много казна такимъ манеромъ съ водки получаетъ?

— Да вотъ въ 1902 г. министръ высчиталъ, что казна на водкѣ получитъ 463000000 р. Шутка ли сказать—463 раза по тысячѣ тысячъ руб.! И почти всѣ эти деньги мы изъ своего кармана выплатили. Мы водку то потягиваемъ и сами того не замѣчаемъ, сколько переплачиваемъ лишку въ казну—ни за что, ни про что.

— Вотъ такъ штука!—говорю я.—Ну, да это не такая бѣда, что водка дорога. Отрава она нашему брату. Будь она дешева, то пьянство бы такое развелось,—не приведи Богъ. Говорили мнѣ, что царь съ министрами и разсудили, что окромя вреда ничего мужику отъ водки не будетъ вотъ и пусть за нее подороже платятъ, да поменьше пьютъ.

— Какъ же, вѣрь имъ. На словахъ они тебѣ такіе турусы на колесахъ разведутъ, что имъ еще спасибо скажешь, а ты погляди ка, что на дѣлѣ выходитъ. Спервоначалу, когда только монополь вводили, въ 1894 г., рѣшили было, что нигдѣ, кромѣ казенныхъ лавокъ, продаваться водка не будетъ. Однако, открыть столько лавокъ, сколько раньше было трактировъ, не успѣли. И вотъ, въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ прежде всего ввели казенную виноторговлю, подсчитали, сколько выпито водки за годъ. Оказалось—меньше, чѣмъ пили раньше. Что же ты думаешь, братецъ ты мой, министръ то обрадовался? Какъ же! Онъ заторопился поправить дѣло. Въ 1896 году стали казенную водку отдавать для продажи „на коммиссію“ въ тѣ же трактиры, въ съѣстныя лавки, постоялые дворы. На слѣдующій годъ подсчитали—оказалось, водки выпито столько, сколько еще никогда не пили. Министръ успокоился.

— А вотъ разныя общества трезвости устраиваютъ. Вѣдь говорятъ, что это все за тѣ деньги, что за водку получаютъ?

— Ну, тутъ ужъ, братъ, чистое вранье! Съ водки вонъ 400 милліоновъ получаютъ, а на общества на эти 3 милліона отпускаютъ. А вотъ ты еще послушай, какъ правительство наше объ нашей трезвости заботится. Во многихъ селахъ крестьяне составили обществами приговоры: „мы молъ, желаемъ, чтобы въ нашемъ селѣ не было винной лавки и просимъ объ этомъ начальство“. На всѣ просьбы отвѣтъ: „отказать! оставить безъ послѣдствій!“ Нѣтъ, не объ нашей трезвости начальство хлопочетъ, а лишь бы побольше денегъ съ насъ содрать. Да что объ одномъ винѣ толковать. Вѣдь не на немъ только казна съ

насъ денежки собираетъ. И на табакъ, и на спички, и на керосинъ, и на пиво, и на сахаръ, на все особый налогъ начальство наложило. Собираетъ правительство эти подати опять же съ фабрикантовъ да купцовъ, а они, извѣстное дѣло, не изъ своего кармана платятъ, а все на покупателей раскладываютъ. Взять хоть сахаръ. Мы вотъ всячески надъ нимъ дрожимъ, никогда ребятишкамъ вволю погрызть не дадимъ; пьемъ то въ прикуску, а иной разъ почитай что въ приглядку; а въ чужихъ земляхъ русскимъ сахаромъ свиней откармливаютъ. У насъ во всемъ государствѣ потребляется въ годъ сахару немногимъ болѣе 11 ф. на человѣка, а въ Англіи, напримѣръ, 105 ф.: почитай вдесятеро больше. Маленечко имъ, братъ, послаще противъ нашего живется. А почему? Первое дѣло—на сахаръ акцизъ наложенъ; второе дѣло—фабриканты-то сахарные промежду собой каждый годъ соглашаются, сколько выпустить съ заводовъ сахару на продажу въ Россіи. Это значитъ, чтобы не подешевѣлъ сахаръ, чтобы не было его больно много. Вотъ они промежду себя и раскладываютъ: я пущу въ Россіи на продажу столько-то пудовъ сахару, ты—столько-то, а онъ—столько-то. Ежели у меня, по величинѣ моего завода, больше сахару изготовляется, такъ весь излишекъ обязуюсь я за границу вывозить. И что жъ ты думаешь? Вотъ оно и выходитъ, что съ насъ фабрикантъ беретъ такой барышъ, что за границей онъ можетъ излишекъ-то сахара совсѣмъ за безцѣнокъ продать—все равно ему выгода останется. А то еще за каждый пудъ вывезеннаго за границу сахара казна фабриканту акцизъ ворочала, да еще *премію* выплачивала,—награду, стало быть, за усердіе! Не мудрено, что на нашъ счетъ, англійскія свиньи русскимъ сахаромъ облопались! Одно время такъ было: у насъ сахаръ двугривенный за фунтъ, а привезли его въ Англію—продаютъ за 4 копѣйки. Пословица говоритъ—за моремъ телушка-полушка, да рубль перевозу. А тутъ выходитъ какъ разъ шиворотъ на выворотъ.

— Да что ты говоришь? Вѣдь это сущій грабежъ! Какъ же это царь то позволяетъ? Я слышалъ, что у насъ за стачку наказываютъ; а вѣдь, это нешто не стачка?

— Стачка то она стачка, да только на законномъ основаніи. Когда рабочій стачку дѣлаетъ, чтобы семья не голодала, этого у насъ не разрѣшается; а вотъ, когда ихъ благородія дворяне, либо ихъ степенства купцы стачку

устраиваютъ, чтобы ихъ мошна сильнѣе разбухла, такъ это дѣло десятое. Само правительство раскладку нашихъ сахаро-заводчиковъ на каждый годъ провѣряетъ и утверждаетъ. Поэтому и называется ихъ сговоръ не деннымъ грабежомъ, а высочайше-утвержденной нормировкой. Чтобы, значитъ, цѣну въ самую норму, въ пропорцію вогнать, чтобы по горло сахарныхъ заводчиковъ ублаготворить. За то у насъ есть восемнадцать сахарныхъ заводовъ, которые отъ пятнадцати до шестидесяти шести копеечекъ въ годъ на рубль наживаютъ. Да и какъ правительству этимъ самимъ сахарнымъ заводчикамъ не пособлять? Вѣдь иные великіе князья изъ царской фамиліи въ это самое сахарное дѣло капиталы вложили. Да что тутъ толковать! До чего не коснись, чтобы тебѣ не потребовалось: съѣсть-ли, выпить-ли, одѣться, или для дому что—зя все про все съ тебя подать слупятъ, и слупятъ „честно“ да „благородно“, потому никто тебя къ ней не неволитъ: есть охота и достатокъ—покупай, а нѣтъ—не принудятъ. А и внесешь ты ее, самъ того не вѣдая, равно какъ бы купецъ съ тебя за товаръ бралъ. Вотъ оттого-то эта подать косвенною и называется, что ее у тебя не прямо изъ кармана вынимаютъ, а такъ „благородно“, да незамѣтно, равно какъ жуликъ на базарѣ у мужика мошну изъ за пазухи выуживаетъ...

— Точно косвенная! Хошь, значитъ, заплатишь, а не хошь, не заплатишь; и даешь ты ее, стало быть не прямо въ казну, а сначала купцу... ловко! Только, говорю я,—вѣдь это одинъ близиръ, что платишь ее по желанію, вѣдь, все равно выходить, потому безъ керосину, да безъ спичекъ, да безъ водки, да безъ табаку, да безъ чего другого не обойдешься...

— То то-же и есть! Да развѣ только это! Мало-ли другихъ косвенныхъ налоговъ, что сразу то и не попримѣтишь, и не догадаешься, а при нуждѣ то хошь, не хошь, заплатишь. Ну, хотя бы гербовой сборъ за бумагу за гербовую—этотъ видный еще, а всетаки, самъ знаешь, паспортъ ли выправить, въ судъ ли прошеніе подать или еще что,—надо, все по формѣ сдѣлать, а, стало быть, безпремѣнно гербовую бумагу купить. А то, вотъ, теперь купцы за гильдію, за право торговли, значитъ, тоже платятъ. Все съ того же мужицкаго кармана: вѣдь съ него же, мужика покупателя, эти деньги купецъ выберетъ. Придетъ, къ примѣру, мужикъ въ лавку.—„Дай, молъ, Трофимычъ, фунтикъ маслица конопляннаго“—Извольте.—„А что за фунтъ-то слѣ-

дуетъ?"—Столько-то.—„Бога ты забылъ, что-ли? за что такъ дорого? вѣдь мы же тебѣ зимой о Миколѣ по чемъ пудъ то отдавали?"—Было время отдавали... я, братъ, въ казну за гильдію сколько плачу, да земству вотъ еще сколько... Вотъ оно какъ иной разъ такъ себѣ думаешь: и отчего это всякая вещь подорожала, а того и не понимаешь, что ты тутъ между прочимъ и налогъ еще платишь. Да вотъ, къ примѣру: покупаетъ купецъ машину въ Англіи—страна такая есть. Везетъ онъ ее къ себѣ домой, а на границѣ у него пошлину таможенную въ тысячу рублей казна беретъ. Потому, за машины то подать берется отъ рубля семи гривенъ до четырехъ рублей восьми гривенъ съ пуда,—вотъ оно какъ. Въ среднемъ-то на рубль цѣны заграничнаго товара 40 копеекъ такой пошлины накладывается. Ну, ладно. Пріѣзжаетъ эта машина въ Ярославскую губернію, начинаетъ на ней купецъ ситцы ткать, а наткавши, продаетъ ихъ люду православному. Покупаютъ ихъ ярославцы себѣ на рубахи, щеголяютъ въ нихъ, а и не знаютъ того, что они, купивши ситцы-то эти, фабриканту и ту тысячу рублей заплатили, которую онъ на границѣ за машину отдалъ. Вотъ, вѣдь, какъ оно выходитъ! А вотъ тебѣ еще примѣръ. Купилъ себѣ богатый мужикъ въ лавкѣ самоваръ мѣдный, а того ему не вдомекъ, что, можетъ, и за эту самую мѣдь, какъ она еще гдѣ-то въ Сибири добывалась, казна уже свое взяла. Это горною податью называется. Приходится такъ сказать, что какую бы бездѣлицу мужикъ ни покупалъ, онъ хоть что нибудь, казнѣ да заплатитъ. Конечно, платитъ онъ тутъ по мелочи, всего какіе нибудь гроши, а по грошамъ, да по мелочамъ, смотришь—изъ мужицкаго кармана въ годъ цѣлые рубли вылѣзаютъ, а казна то многіе милліоны получаетъ. Вотъ, возми къ примѣру. у насъ за пудъ гвоздей отдай 3 цѣлковыхъ, а нѣмецъ за тѣ-же гвозди у себя платитъ рубль восемь гривенъ; полотно, за которое у насъ отдашь цѣлковый, онъ имѣетъ всего за три гривенника. Или вотъ тебѣ еще примѣръ: сосѣди ермолаевцы всѣмъ обществомъ купили молотилку, сотенную бумажку выло-
жили: а живи они въ нѣмецкой землѣ, пришлось бы имъ отдать всего четыре десятирублевки, а шестьдесятъ цѣлковыхъ у нихъ бы въ карманѣ осталось. Такъ-то, платишь ты въ казну и за топоръ, и за лопату, и за шапку—за все платишь, ежели ты только покупаешь въ лавкѣ, а не самъ дѣлаешь. Да хоть ты топоръ и самъ выкуешь, да все равно желѣзо купить долженъ. Одно слово, куда не кинь—все

клинъ. И все это одно къ одному, братецъ ты мой, выходитъ: все это такъ пристроено, вся механика то такъ подведена, что фабрикантъ-ли, значитъ, кабатчикъ-ли, купецъ-ли подать заплатитъ, а все она въ концѣ то концовъ изъ мужицкаго кармана вынется.

— Ай да механика! говорю я.—Только вотъ что, Степанъ,—неужто ужъ господа, дворяне, да купцы, говорю,—и водки-то не пьютъ, и спичекъ не жгутъ, и ситцевъ не носятъ? Все-же, вѣдь, и они что нибудь да платятъ?—Какъ не платить? Платятъ, милый человѣкъ, платятъ, только всѣ-то ихъ платежи, ежели съ мужицкими сравнять, плевкомъ выходятъ. Вѣдь ты пойми, почтенный, что ежели я и богаче тебя въ десять, аль въ сто разъ, такъ отъ этого я не выпью или не съѣмъ въ десять аль въ сто разъ больше тебя. По правдѣ то, оно конечно, господа больше насъ пьютъ и совсѣмъ понапрасну корятъ только насъ, мужиковъ, за пьянство. Что мужикъ? Пойдетъ съ горя въ кабакъ, ну и нарѣжется; много-ли отощавшему человѣку надо, чтобы захмѣлѣть? Идетъ онъ по улицѣ да и шатается. Всѣмъ-то оно видно. Такъ вѣдь это съ нами въ годъ разъ, два бываетъ; ну, а господа, тѣ хоть пьяными по улицѣ и не валяются, одначе побольше нашего пьютъ. Ужъ это подлинно извѣстно, что они однихъ заморскихъ винъ втрое больше пьютъ, чѣмъ мы водки. Да столь-же, почесть, коли не больше, они еще и русскихъ виноградныхъ винъ выпиваютъ, да и простое наше хлѣбное винцо тоже своимъ вниманіемъ не обходятъ. Такъ вотъ, всего то каждый господинъ али купецъ куда больше каждаго мужика выпьетъ. Выпьетъ, потомъ еще и совѣсть имѣетъ мужика ругать: „пьяница ты, молъ, лѣнтяй! отъ того ты и бѣденъ, что пьянствуешь!"—„Нѣтъ, баринъ", можно ему на эту рѣчь возразить,—не оттого я бѣденъ, что водку пью... это особь статья! Ты вотъ и больше меня лопаешь, и все что-то не бѣднѣешь!" Разсмѣялись мы съ Степаномъ, да чайку прихлебнули.

— Такъ-то оно такъ, Степанъ, говорю я.—Только вишь ли, самъ ты говоришь, что господинъ, да богатый человѣкъ больше мужика пьетъ... Стало, онъ больше акцизу платитъ

— Ахъ, ты, парень, парень! Да все мужики больше богачей платятъ. Вотъ ты раскинь ка умомъ. У насъ на Руси дворянъ да купцовъ съ ихъ женами да ребятами десятка милліоновъ не наберется, а простого то народа за 120 мил-

ліоновъ перевалило! Если каждый богачъ и больше, скажемъ, мужика вина выпьетъ, больше за него въ казну заплатитъ, то все-таки всѣ богачи вмѣстѣ куда меньше заплатятъ, чѣмъ простой народъ. Налогъ надо съ достаткомъ мѣрить. Ежели у тебя 100 рублей капитала, такъ тебѣ рублевку выкинуть — плевое дѣло, а коли у меня всего рублевка въ карманѣ лежитъ, такъ мнѣ ее отдать чистое разореніе. А тутъ—ты самъ посуди. Нищій, у котораго въ карманѣ единственная копейка, покупаетъ коробку спичекъ, и при этомъ уплачиваетъ ½ копейки налогу, все равно какъ и богачъ, который ворочаетъ милліонами. Въ другихъ-то странахъ къ тому подходятъ, чтобы подать съ доходу брать, по столько то копеекъ съ рубля. Чѣмъ больше у тебя доходъ, тѣмъ больше и плата. Да и это тамъ еще не считаютъ за полную справедливость. Тамъ вотъ что говорятъ добрые люди: бѣдныхъ надо совсѣмъ отъ подати освободить, а чѣмъ ты богаче, тѣмъ больше копеекъ съ каждаго рубля у тебя брать! Тамъ податью хотятъ уравнять людей, а у насъ податью бѣдняковъ въ пользу толстосумовъ обираютъ...

— Вѣрно, братъ, какъ есть вѣрно! говорю я. Опять какъ подумаешь, такъ эта косвенная подать все равно, что подушная, потому и ее безпремѣнно каждый человѣкъ платитъ... Безъ ѣды то вѣдь, да безъ питья не обойдешся...

— Да гдѣ тамъ, братъ, какъ подушная. Нѣтъ! еще потяжеле будетъ...

— Странна мнѣ показалась эта рѣчь его.

— Какъ же это, говорю:—ты сказалъ, что она тяжеле подушной будетъ?... Почему такъ?

— Да потому самому и есть! Понимаешь: подушную платимъ за каждую ревизскую душу мужскаго пола, а водка, да спички, да сахаръ—это другое дѣло. Развѣ бабамъ да малымъ ребятамъ ситцу не надо? Побольше, чѣмъ иному мужику платить приходится! А вѣдь, подушныя брали только съ ревизскихъ, да и то еще безъ бабъ. Стало-быть, эта подать выходитъ тяжеле подушной...

— А и впрямъ такъ! Пожалуй, что и тяжельше будетъ, говорю...—Твоя правда.

— Какъ не правда, милый человѣкъ! Это все такъ, кажется, что она легка! Да что толковать такъ-то, на словахъ:

это, вѣдь, сейчасъ можно и на ариѳметику прикинуть. Всего разныхъ косвенныхъ налоговъ казна беретъ 671 милліонъ рублей. Дворянъ да купцовъ, я уже тебѣ сказывалъ, наберется у насъ милліоновъ 10. Ежели даже считать, что каждый изъ нихъ платитъ въ казну втрое больше косвенныхъ налоговъ, чѣмъ рабочій человѣкъ, то на ихъ долю придется 156 м., а на долю рабочаго люда 515 м. А это значитъ, что каждый человѣкъ долженъ заплатить больше 4 рублями въ годъ этого налога. А ежели положить, что въ каждой семьѣ 6 человѣкъ такъ вѣдь выйдетъ, что каждой семьѣ придется въ годъ четвертную бумажку выплатить.

— Ахъ ты, сдѣлай милость! Вотъ какъ! Одно удивленіе: платишь и не знаешь, что платишь... а расчетъ то вѣдь вѣрный, какъ на счетахъ, говорю я...

— Да гдѣ, вѣрный! говоритъ Степанъ.—Мало! Мы барамъ такъ много всего клали, что ежели-бы они столько ѣли да пили, такъ давно бы лопнули, да все пьяны бы валялись... я тебѣ скажу, что этотъ разсчетъ божескій, а по совѣсти, такъ мужикъ еще больше платитъ. Повѣрь!

— Ай, ай! говорю... Диковиннѣе всего, что платишь и не видишь...

— Да, говоритъ Степанъ,—вотъ такъ-то мы, мужики сколько только не платимъ, а все на судьбу свою не жалуемся. А вотъ на богачей, на тѣхъ копейку какую наложили, такмъ они во все горло заорутъ, что ихъ грабятъ среди бѣлаго дня.

— Одначе, братъ, говорю я,—эти баре такое разное ѣдятъ, чего мужику, кажись, и въ раю ѣсть не прійдется. Да вотъ хотя бы, къ примѣру, кофей, да шоколадъ, да сласть разная французская, да вина заморскія. Вѣдь все это изъ-за моря идетъ. Ужели-же казна все это даромъ пропускаетъ? Вѣдь, ежели съ мужика за спички да за водку акцизъ брать. такъ баръ-то ужъ и подавно слѣдовало бы хоть маленько за всѣ эти сласти пощупать! Какъ не щупать, говоритъ: — по малости ихъ тоже щупаютъ. Нельзя-же совсѣмъ безъ этого. Да и то сказать: вѣдь казна себѣ не врагъ, и гдѣ что можно взять—не бось, не прозѣваетъ. Она, братъ, и съ мертваго сдеретъ, ничего не проститъ. Хоть съ того свѣта подай. Только, братъ, хоть она тутъ и съ баръ тоже норовить взять; да съ нихъ-то не больно поживишься. Это можно сейчасъ на счетахъ по-

казать, потому что деньги на границѣ по счету берутъ, и всѣ они въ книги записаны и доподлинно извѣстны. Такъ вотъ со всего-то заморского товара казна беретъ таможенной пошлины 92 милліона. И изъ всѣхъ этихъ милліоновъ самая, что ни на есть крупная часть берется все съ такого товара, что мужику потребенъ, а потому онъ за него и платитъ! Тутъ привозятъ изъ-за границы все больше машины, что православному люду на рубахи да на платья ситцы ткутъ, да рельсы для чугунки, да косы, да серпы, да топоры, да инструментъ разный, да краски: ну, одно слово, все такой товаръ, что его мужикъ или самъ купитъ, или черезъ кого нибудь изъ своего-же кармана заплатитъ. Ежели посчитать, сколько за барскіе товары казна получаетъ,—скажемъ къ примѣру, за фрукты французскіе, за сладкія вина, за шампанское вино, за сласти, за кофей, за матеріи барскія, шелковыя да бархатныя,—если посчитать все это,—такъ противъ мужицкаго-то взноса и совсѣмъ плевое дѣло придется. А дворяне да купцы еще все кричатъ, что высоки, молъ, пошлины на заморскій товаръ, намъ потребный. Ахъ вы, господа, богачи! И тутъ вамъ во всемъ противъ мужика снисхожденіе! Вотъ ты возьми хоть чай. Есть тебѣ простые сорта и есть дорогіе. Дешевый то чай есть въ 40 коп. фунтъ безъ пошлины, а съ пошлиной онъ втрое дороже—1 рубль съ двугривеннымъ! А возьми теперь дорогой чай, барскій, въ 4 рубля 20 коп. Думаешь, его то пошлиной удорожатъ тоже втрое или вчетверо? Какъ бы ни такъ! И одной пятой части цѣны на него не накинутъ! Такъ-же и съ табакомъ! На махоркѣ да на низшихъ сортахъ акцизъ составляетъ третью часть цѣны, а на барскомъ табакѣ трехрублевомъ, онъ всего на всего составляетъ 4-ую часть; а на пятирублевомъ, какой богачи курятъ, акцизъ и 5-ой части цѣны не составитъ!

— Вижу, говорю, вездѣ бѣлой кости супротивъ черкости облегченіе!

— Эхъ, парень, парень! говоритъ Степанъ.—А ты вотъ о чемъ подумай. Что толковать, что они въ казну платятъ. Ты спроси ка у нихъ, что они робятъ? Развѣ, когда самъ дворянинъ хоть одну десятину вспахалъ? Все, вѣдь, наши руки крестьянскія сдѣлали. Мы и дома и палаты каменныя и церкви златоглавыя построили; мы купцу и матеріи на фабрикѣ соткали, мы ему и хлѣбъ въ амбаръ ссыпали; съ насъ-же они и подати дерутъ, на которыя всѣ дармоѣды

живутъ. Мы—все. Все нами держится. Мы всѣхъ поимъ, кормимъ и одѣваемъ. Всѣ нашими трудами живутъ, нашъ потъ и кровь пьютъ, да зато насъ-же еще бьютъ. А при чемъ тутъ баре да купцы? Такъ себѣ ходятъ да покрикиваютъ на мужика, чтобы онъ отъ работы не отлынивалъ. Такъ что-же тутъ толковать, что баре да купцы изъ своего достатка въ казну платятъ? Ничего— да и того меньше. Вѣрно слово! Потому, вѣдь, ежели они, что и платятъ, съ мужика-же взято да награблено...

— Замолчалъ Степанъ, а слова его точно за самое сердце меня ущемили. Подумалъ я какъ это нашего брата-то, мужика, всѣ обираютъ, бьютъ, гнушаются, помыкаютъ имъ, а онъ богатырь, все мычитъ да мычитъ. Долго молчали мы да про себя думу невеселую думали...

— Теперь понимаю, сказалъ я,—какъ этимъ манеромъ насъ, простаковъ, господа да богачи надуваютъ... Такъ это вотъ какъ! Хитра же механика!..

— Эхъ, парень, говоритъ Степанъ...—Какая-тамъ механика? Тутъ и механики-то никакой не нужно. Дневной грабежъ. Станутъ, что-ли баре да чиновники стыдиться, что мужика грабятъ? Эка невидаль! Совѣсть у нихъ, братъ, барская, прожженная... Безъ росказней берутъ и бьютъ. Давай, и дѣло съ концомъ... Ну, развѣ-жъ это не разбой, не грабежъ? Пріѣзжаетъ это становой или исправникъ, за нимъ возъ розогъ. „Недоимку подавай!" Кричитъ...

— „Нѣтъ денегъ, батюшка, просимъ пообождать!"—

— „Какъ нѣтъ денегъ? Пороть!..." Ну и давай ревизировать у мужика то мѣсто, откуда у него ноги растутъ. Ну, скажи на милость, на что это похоже? Вѣдь, такимъ манеромъ если бы въ село и душегубъ какой пріѣхалъ, да силу бы имѣлъ перепороть всѣхъ, такъ и ему бы все отдали... На возьми, уйди только, Христа ради! Ну и отдашь все, а самъ какъ знаешь проживай, хоть кору березовую жри съ тѣхъ розогъ, которыми тебя вчера пороли... Ахъ ты, горе, горе! Какъ вспомнишь иной разъ злость тебя беретъ, слеза прошибаетъ... Дьяволы!.. А не отдай-ка послѣдній грошъ—сейчасъ твой скотъ продадутъ. Кулаки ужъ тутъ въ сторонѣ поджидаютъ да озираются, какъ бы за безцѣнокъ купить можно было... Иной разъ, вѣдь такъ и сговорятся эти кровопійцы съ волостнымъ, да съ исправникомъ, чтобы въ крутое время міръ поприжать, да потомъ барыши

вополамъ. Такъ-то оно вс е!.. Ну теперь продадутъ скотину такъ чѣмъ-же по веснѣ землю вспахать? Разоръ... Одно слово... Налетитъ и разоритъ, какъ разбойникъ какой. Ну а скажи, за что, за какія провинности, примѣрно, съ насъ, выкупныя да разныя поземельныя подати берутъ? Дали намъ волю, а землю приказали у помѣщиковъ выкупать, а помѣщики сами что-ли землю дѣлали? Какіе такіе труды они въ землю положили, чтобы за землю деньги съ насъ брать? Земля то съ давнихъ поръ была крестьянская; помѣщикамъ же первые русскіе цари начали раздавать для прокормленія; въ тѣ времена помѣщики сами все военное дѣло правили и рекрутчины совсѣмъ не было: пока служилъ помѣщикъ въ войскѣ, до тѣхъ поръ и землей пользовался, а когда не годенъ дѣлался, тогда его участокъ передавался другому воину, сильному и молодому; постепенно помѣщики-воины сильную власть надъ вольными до толѣ крестьянами забрали, и при помощи царскихъ указовъ, сдѣлали крестьянъ полными своими крѣпостными рабами: когда же пришлось народъ изъ-за частыхъ бунтовъ царю Александру II освободить. то всю землю засчитали за помѣщиками и заставили крестьянъ выкупъ за нее платить. Небось, своимъ потомъ мы ее поливали, спокон вѣку на ней работали, ее матушку холили; а теперь—на, поди – выкупай ее. Помѣщики знать не знаютъ никакихъ выкупныхъ платежей, а мы – плати. Да ужъ и сколько же лѣтъ мы ихъ платимъ и все еще не выплатили. Коли посчитать, такъ мы раза въ три больше выплатили, чѣмъ земля стоитъ, а съ насъ все берутъ, благо мужикъ въ расчетахъ не силенъ да смиренъ, что не спросятъ – все платить. Да объ этомъ, что говорить-то! Самъ небось знаешь, сколько платежей всякихъ Али сказывать, сколько рублей платить тебѣ приходится? Чай вѣдаешь! Съ души-то у тебя эти рубли вырвутъ, кровавыми полосками эта цыфиръ на шкурѣ на твоей мужицкой прописывается... Мудрено забыть. Эхъ жадные, завидущіе... Все-то вы себѣ забрали и землю и воду и избу то нашу, да и солнышко то ясное. За все вамъ платить приказываете...

— Такъ, такъ Степанъ Васильевичъ: тяжела и эта подать... И много этимъ манеромъ, казна получаетъ?

— Малость .. 86 милліоновъ выкупныхъ платежей, а разныхъ другихъ налоговъ кромѣ косвенныхъ, еще 130 милліоновъ, вотъ сколько! А называется вся эта подать прямой, потому, значитъ, грабятъ съ тебя не косвенно, а прямо,

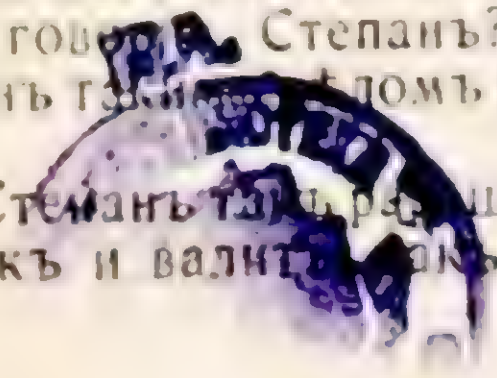
безъ подвоховъ, безъ хитрости, безо всякой. Давай, стало быть, да и все тутъ!

— Точно, сказалъ я подумавши, много разоренія дѣлаетъ мужику этотъ прямой грабежъ, то бишь, прямой налогъ...

— Да, что толковать, говоритъ, не то что много, а скоро, почитай, всѣ мы по міру пойдемъ. Никогда ничего въ свое время не продашь, а приходится продавать все за безцѣнокъ, лишь бы отъ розогъ откупиться. А кулаки да скупщики, какъ ястребы такъ и глядятъ, какъ бы тебя схватить и заклевать. По осени за грошъ продашь, а по веснѣ у того-же кулака въ три дорога выкупишь. Вотъ тутъ и богатѣй! А то, не дай Богъ, займешь,—всю жизнь не отплатишься, три шкуры съ тебя помѣщикъ аль кулакъ сдеретъ. А тутъ скотину продали... Земли-то, знаешь, много-ли въ надѣлъ дали, да и на нее то и кормилицу глядѣть не хочется.... Вся она уже выпахана, на сѣмянъ не родитъ. Сдобрить то, засѣять нечѣмъ,—вотъ тебѣ и разореніе. Броситъ горемыка и землю, и избу, и бабу съ ребятами, да и пойдетъ, куда глаза глядятъ. А тутъ ему передъ глазами подрядчикъ, какъ чертъ какой, задаткомъ манитъ... Возьметъ онъ задатокъ, заплатитъ подати, и пошелъ на заработки въ городъ, на фабрики. Поминай значитъ, какъ звали. Подрядчикъ ему глаза протретъ—будетъ знать, гдѣ Кузькина мать живетъ. Слава Богу, если черезъ годъ домой живъ вернется, А съ собой то въ домъ только блохъ да вшей и принесетъ. Чистый разоръ! И выходитъ, стало быть, что отъ этого прямого грабежа только кулаки да подрядчики и разживаются, а бѣдняки все болѣе да болѣе бѣднѣютъ. Ну, а теперь гляньмъ-ка, братъ хоть однимъ глазомъ, куда-же всѣ эти денежки наши идутъ? Въ чьи карманы наши кровные гроши ползутъ?

— Каждогодно, вишь ты, казна расписаніе дѣлаетъ, какъ и куда она всѣ деньги дѣваетъ. Отчетъ этотъ государственной росписью прозывается и завсегда въ газетахъ пропечатывается; вотъ оттуда все видать, какъ я это тебѣ сейчасъ разскажу. Ну, ладно! Перво на перво царю съ семьей 12 милліоновъ 800 тысячъ цѣлковыхъ отпускаютъ. Смекаешь, каково жалованьецо-то? Вѣдь это почитай по 35 тысячъ рублей въ день выходитъ! На такой доходъ, вѣдь, съ полъ губерніи каждый годъ прокормить можно! Въ нынѣшнемъ году у насъ въ 33 губерніяхъ неурожай былъ, 40 милліоновъ мужиковъ голодали, такъ имъ на полгода 22

мил. рублей отпустили изъ казны, а царю въ тѣ-же полгода 6 съ половиной милліона на прожитокъ дали. Денежки изрядныя. Только, братъ, чѣмъ-же намъ за это добро отплачиваютъ? Что на деньги на эти выдѣлываютъ? А вотъ что. Тѣшутъ себя охотами, праздники да пиры устраиваютъ, ѣдятъ, пьютъ, веселятся, да въ каменныхъ палатахъ поживаютъ. Народу, нонче, рѣдко показываются. Да и есть чего! Ну, такъ спросимъ же теперича, какимъ добромъ намъ платятъ за эти кровные наши 12 милліоновъ? Насажали намъ всякого начальства на шею изъ дворянъ да помѣщиковъ — земскихъ, становыхъ, исправниковъ: тѣснятъ они насъ, вздохнуть свободно не даютъ; волю имъ дали мудрствовать надъ нами, мужиками, какъ ихъ душенькѣ угодно; почище прежнихъ помѣщиковъ иной надъ нами измывается, и нѣтъ на него ни суда, ни управы. А малоземелье, холодъ да голодъ въ дугу насъ гнутъ, въ три кнута гонятъ въ кабалу къ кулаку-міроѣду или къ сосѣду помѣщику. Пробуетъ отъ этой неволи мужикъ изъ села въ городъ, на фабрики да на заводы бѣжать да и тамъ не легче; и тамъ хотъ работай онъ до кроваваго пота, спосибо скажи, коли съ голоду не подохнешь. А все иной мужикъ ждетъ, все на батюшку царя надѣется: авось, онъ кормилецъ про него вспомнитъ; все иной разъ думается мужику — помѣщики да дворяне его горю причиной, а узнаетъ царь, — ему, мужику, поможетъ. Ждетъ-пождетъ, а облегченья все не выходитъ. А чего ждать-то? Развѣ самъ то царь не помѣщикъ, не баринъ, да не фабрикантъ? У него, вѣдь, при крѣпостномъ правѣ тоже свои крестьяне были, что нынѣ удѣльными называются. Чтожъ можетъ, имъ то ужъ, своимъ крестьянамъ, при освобожденіи, настоящую чистую волю далъ? Держи карманъ шире! Имъ такую же свободу прописали, какъ и всѣ помѣщики, потому-что и самъ онъ такой-же помѣщикъ, только покрупнѣе другихъ. А развѣ нѣтъ у него своихъ фабрикъ да заводовъ? Что жъ, можетъ, тамъ вольготно рабочему? А, поди-ка, спроси? Такъ чего же мы ждемъ и ждемъ отъ царя отъ самаго первѣйшаго помѣщика, да отъ самого богатѣйшаго фабриканта? И по дѣломъ намъ, дуракамъ. Не на кого намъ надѣяться — самъ на себя надѣйся. Да, что ты, говорю, Степанъ? Ужели таки царь фабрикантъ? Ужели онъ такимъ дѣломъ пачкаться станетъ?..



— Только ужъ Степанъ такъ разошелся, что и договорить мнѣ не далъ: такъ и валитъ, такъ и валитъ...

— О-го-го! да еще какой! Поди-ка на стеклянные да на фарфоровые заводы, на золотые рудники богатѣйшіе! Тамъ увидишь, какъ съ нашего брата, фабричнаго, наживаются. Закабалили дѣтей и внуковъ нашихъ; своими затѣями сдѣлали государству долгъ неоплатный. Теперь однихъ процентовъ на этотъ долгъ государственный 286 мил. выплачивается. Ничего? И весъ этотъ долгъ наше правительство на шею намъ накачало: либо на военныя приготовленія, либо на постройку новыхъ желѣзныхъ дорогъ. Примѣрно, чтобы нашимъ купцамъ да фабрикантамъ легче было съ Китаемъ торговать, въ Манджуріи деньгу зашибать, тамъ не мало солдатъ уложили, черезъ всю Сибирь туда желѣзную дорогу провели, все на наши мужицкія деньги. А понимаешь ты, сколько всего дома за эти затѣи на нашей шеѣ сидитъ? Страшно выговорить: 6 ½ тысячъ милліоновъ рублей! Это и знающему человѣку трудно написать, а сообразить и того труднѣе,—такъ оно много: Тутъ, братъ, ежели бъ захотѣла казна весь тотъ долгъ сразу заплатить, такъ пришлось бы каждому жителю, сверхъ налоговъ и податей, безъ малаго 50 рублей отдать, а семьѣ человѣкъ въ 6 надо бы 300 рублей выплатить! Такъ-то мы всю жизнь должниками и остаемся, да каждый годъ не меньше 8 рублей съ семьи будемъ давать, чтобъ только одни процентики выплачивать. Тутъ, братъ чистая, прорва! За чиновничью честь да мѣсть, да купецкую прибыль будемъ и мы, и дѣти наши, и внуки, и правнуки расплачиваться!—Оказія! говорю.—Ужели-жъ такъ много? А сколько это такъ, на глазъ денегъ будетъ?—Сколько? Да вотъ слушай! Я намедни еще у себя дома этотъ разсчетъ прикидывалъ. Къ, примѣру, скажемъ, пусть этотъ долгъ будетъ въ серебрянныхъ рубляхъ. Ну и пусть всѣ эти 6500 мил. государственнаго то долга вотъ такими рублевиками собраны. Какъ думаешь, сколько во всемъ этомъ капиталѣ вѣсу будетъ? Вотъ, въ календарѣ у меня пропечатанно, что тысяча серебрянныхъ рублей тянетъ безъ малого 1 пудъ 11 фунтовъ. Я вотъ и прикинулъ, что-же всѣ то эти деньги вѣсить будутъ; ну, у меня такая тяжесть вышла, что и подумать страшно: 8 мил. 300 тысячъ (8.300.000) пудовъ! Это коли нагрузить всѣ тѣ деньги въ вагоны, по 750 пудовъ каждый, такъ потребуется 11.067 вагоновъ. А если бы всѣ эти вагоны выстроить по чугункѣ въ ряды такъ вытянулся бы хвостъ въ 100 слишкомъ верстъ. Ну, восчувствовалъ ли ты, Андрей, хоть малость, каковъ нашъ русскій государственный долгъ?

— Господи ты, Боже мой! Да мнѣ бы этого и во снѣ не приснилось, говорю я.— Одначе, кому же эти 286 мил. процентовъ выплачиваются. Ужели есть такіе богачи, что могли столь много денегъ взаймы дать?

— Простакъ, братъ ты, какъ я погляжу—говоритъ. Конечно, такого богача на свѣтѣ нѣтъ. Это вотъ какъ дѣлается. Надѣлаетъ Казначейство бумажекъ; только не такихъ, что замѣсто денегъ ходятъ, а этакихъ особенныхъ, гдѣ прописано. „Заемъ казны", а цѣна той бумажки назначается, скажемъ, 100 рублей, хоть самой то казнѣ она вся грошъ стоитъ. Ну и теперь кто эту бумажку на деньги купитъ, тому казна ежегодно рубля по 4 процентовъ платитъ. А покупаютъ ихъ купцы, дворяне, богачи, и они то, значитъ, ничего не дѣлая, знай себѣ отъ казны процентики получаютъ. Эдакимъ то манеромъ мы всѣхъ богачей и кормимъ процентами, да не только своихъ, а и заморскихъ...

— Ну, спасибо, говорю,—Степанъ: теперь понялъ. Такъ вотъ какъ оно! А скажи, правду ли слыхалъ я, что у казны много денегъ на солдатъ идетъ?

Да четвертая часть, говоритъ,—всего дохода; 420 милліоновъ, вотъ сколько! Это однихъ обычныхъ расходовъ. Да вотъ на Японскую войну потратили еще около 2 тысячъ милліоновъ. Эхъ, солдатики, солдатики! сколько вы хлѣба мужицкаго ѣдите, а и чѣмъ за него платите... Ой ты, казна матушка! Мало тебѣ, что ты съ мужика податью берешь. Выдумала ты еще одну да и самую злую подать рекрутчину. Это она уже не деньгами съ насъ беретъ: нѣтъ, эта подать кровью да мясомъ мужицкимъ собирается. Тутъ ужъ не надо ей денегъ,—тутъ подавай ей сыновей да братьевъ нашихъ. А сколько то слезъ-то изъ-за этого на Руси проливается! Въ однѣхъ потаенныхъ дѣвичьихъ да горькихъ материнскихъ можно было бы всѣхъ вельможъ съ царемъ выкупать! А въ этихъ подневольныхъ отцовскихъ, что капаютъ изъ глазъ стариковъ... Э-хъ— ма!.. У меня вотъ тоже братъ въ солдатахъ. Прежде-то и ничего парень былъ, а нонче не гляди! Портятъ ихъ командиры. Держатъ ихъ въ казармахъ, чтобы мужика не видѣли и сердца себѣ ожесточали; оттого то какъ выпустятъ изъ клѣтки вымуштрованныхъ, такъ они и отца и мать не моргнувши зарѣзать готовы. Я, говоритъ, царевъ слуга, и за царя. жизнь готовъ отдать, а ты, мужикъ, говоритъ, дуракъ вотъ что!

Ахъ ты, звѣрь лютый! Забылъ что-ли кто тебя кормитъ да поитъ дармоѣда? кто твой отецъ, да мать, да братъ?—Тяжело, братъ, подумать, какъ это начальство умѣетъ нашего брата испортить, что въ немъ и человѣческаго подобія не найдешь, что готовъ онъ своего кормильца мужика, да отца и мать зарѣзать, и рука у него не дрогнетъ. Да, тяжело, братъ, какъ вникнешь-то, что мы этакъ сами себя рѣжемъ, грабимъ, бьемъ, все для того, чтобы нашимъ врагамъ и наши деньги, и нашихъ дѣтей отдавать!.. Ну, да подожди: придетъ пора возьмемся и мы за умъ... Степанъ помолчалъ, да не утерпѣлъ.

Куда же всѣ остальныя деньги изъ казны идутъ, спросишь ты. Тутъ ужъ братъ, опосля царя съ солдатами все мелкое воронье прилетаетъ ту добычу награбленную расклевывать. Тутъ милліона 3 разныя важныя птицы расклевываютъ: все сѣдые сенаторы, да министры, да вельможи, да генералы важные. Потомъ 5 милліоновъ послы наши иностранные на бражничество да на пиры забираютъ; 93 мил. идетъ на жалованье губернаторамъ, исправникамъ, да становымъ: 47 мил. стоятъ намъ суды, въ которыхъ мужику правды не добиться; 36 мил. идутъ на школы разныя, все больше на гимназіи, на корпуса да университеты,—знаешь, на такія большія школы, гдѣ только господа, да купцы сыновей своихъ обучаютъ, 170 мил. на желѣзныя дороги, отъ которыхъ подрядчики да строители наживаются; а сколько еще на пенсіи старикамъ—генераламъ, да старушонкамъ вельможамъ, дармоѣдамъ, да царскимъ блюдолизамъ отпускается! За царемъ, говорятъ, служба не пропадетъ; это только за міромъ, за народомъ она не выгодна: того и гляди—по Владиміровкѣ угодишь. Да, такъ-то! Вишь ты какъ на наши деньги правительство, да господа-богачи орудуютъ? И сыновей своихъ учатъ, и пьютъ и ѣдятъ, старую рухлядь, царскихъ слугъ, сберегаютъ, и исправниковъ съ губернаторами кормятъ, и корабли съ чугунками строятъ и все, что хошь, для своего удовольствія дѣлаютъ. Одно слово—нашими денежками, какъ своими собственными, распоряжаются.

— Да, ужъ именно, какъ своими! говорю.—Ну, а что-же скажи, изъ всего этого мужику достается?

Мужику? Ну, куда же ему съ суконнымъ рыломъ да въ калашный рядъ! Его дѣло платить, а не его ума дѣло промежъ барами соваться, гдѣ его денежки прокучиваютъ.

Будь и тому радъ, что твои денежки берутъ, что на нихъ чиновники, дворяне—господа, и купцы, и попы сытно ѣдятъ, да въ волю пьютъ!

— Ну, а можетъ, хоть что же нибудь на чужомъ то пиру, перепадетъ, вставилъ я отъ себя словечко.

— Что-нибудь! огрызнулся на это Степанъ. Да вотъ всего-то только и есть, что выкинули въ этомъ году 20 мил. на крестьянъ голодающихъ, да изъ тѣхъ денегъ, которыя на школы назначены, кое-что на народныя сельскія училища перепадетъ. Небось, немного, не облопаемся! На царя,—12 слишкомъ мил., на матросовъ и солдатъ—420 мил., а на всѣ школы—36. Да и то большая часть этихъ денегъ идетъ на такія школы, которыхъ нашему брату, мужику, какъ своихъ ушей не видать! Хочешь знать въ точности, сколько на наши мужицкія школы изъ царской казны отпускается? Всего на всего 3 мил. рублей! 3 мил рублей на 100 мил. мужиковъ—въ обрѣзъ по 3 копейки въ годъ на брата: „примите Христа ради, бѣдные мужички, говоритъ казна, по трешнику мѣдному—будетъ съ васъ, а не то разбалуетесь!" Вѣдь это курамъ на смѣхъ: Научатся уму разуму на 3 копейки въ годъ! Вотъ такъ удружилъ намъ родименькій бѣлый. Ну, да вѣдь по царскому, да по дворянскому разсчету оно такъ и слѣдуетъ. А то вишь, выучится мужикъ, захочетъ своимъ умомъ жить, да еще сохрани Богъ!—объ правдѣ задумается! Его, братъ, косолапаго, въ черномъ тѣлѣ, да въ покорности держать надо, а то неровенъ часъ...

Хе-хе-хе! тряхнетъ пожалуй...

— Пріумолкли мы.

— Такъ то, братъ, такъ то! Говорилъ Степанъ, призадумавшись. Работаешь ты—рукъ не покладаешь: всю жизнь радости не видишь; дерутъ тебя—на Руси березъ не хватаетъ; плачешь ты въ нуждѣ, ночей не досыпаешь, куска не доѣдаешь, бьешся какъ рыба объ ледъ, а все изъ чего? Чтобы подати внести. А для кого? за что? На нихъ баре, да чиновники живутъ, пьютъ, гуляютъ; купцы, кулаки наживаются, войско, полицію да жандармовъ содержать, что бы насъ-же, за нашу хлѣбъ-соль, да нашею же рукою бить, да нашу кровь съ потомъ пить. Эхъ ты, горькая жизнь крестьянская! или никогда ты и радостна не будешь?.. Токово-то, братъ, невесело. Что жъ, пойдемъ!

— Поднялись мы, побрали шапки и вышли. Тяжело было на сердцѣ. Темныя, нерадостныя мысли въ головѣ бродили

— Что пріунылъ, соколикъ! Отозвался Степанъ.— Небось. горько! то-то братъ... Эхъ, да, подожди, проснется народъ, да скинетъ съ плечъ своихъ выносливыхъ этихъ пьяницъ—баръ да кулаковъ и заживемъ тогда весело да припѣваючи. Только помни, Андрей, чтобы богатыхъ тогда не было, потому—заруби себѣ на память—что это вездѣ и всегда такъ было и будетъ, что кто богатъ, да силенъ, тотъ отъ податей всегда льготенъ будетъ, всю ту тяжесть на бѣдныхъ наложитъ. Помни это!

II.

Много я раздумывалъ надъ степановыми рѣчами. Что плохо живется рабочему люду я допрежъ того зналъ. Теперь понялъ, отчего скверно намъ живется: богачи да чиновники власть во всемъ имѣютъ и такую механику подвели, что всѣ мы, и сами того не замѣчая, на нихъ работаемъ: всѣ труды наши въ ихъ пользу идутъ, денежки наши въ ихъ карманъ текутъ. А вотъ какъ горю помочь, никакъ не могъ придумать, какъ умомъ не раскидывалъ. Улучилъ я времячко опять со Степаномъ разговоръ завелъ. Такъ, молъ и такъ, не придумаю я какъ намъ быть, чтобы отъ хитрой механики, которая насъ обираетъ, избавиться.

— А придумать это не такъ ужъ мудрено, коли знаешь, гдѣ всему злу корень, говоритъ Степанъ. Сейчасъ всѣмъ распоряжаются богачи, они и законы пишутъ и всѣмъ заправляютъ. Конечно, никто себѣ не врагъ, потому и законы всѣ не въ нашу пользу. Надо, значитъ, того добиваться, чтобы безъ воли народной никто не смѣлъ писать законовъ, накладывать податей или налоговъ. Законы должны быть для всѣхъ равные, а не то, что теперь для дворянъ всякія льготы, а намъ стѣсненія разныя А это будетъ тогда, когда законы будутъ писать не самовластные чиновники, а выборные отъ всего народа. Выберутъ всѣ своихъ депутатовъ съѣдутся они на законодательное собраніе и будутъ рѣшать всѣ важныя дѣла. А сельскія, волостныя и городскія дѣла будутъ рѣшать сами по себѣ сельскіе, волостные и городскіе сходы. Чиновники и судьи всякіе также должны быть выбраны народомъ. И всѣ они должны быть у народа на отчетѣ. Понравился какой начальникъ, его на новый

срокъ выберутъ; не понравился, дадутъ ему по шапкѣ. Ужъ отъ этого одного и то бы нашему брату, рабочему человѣку, полегчало-бы.

— Твоими-бы устами медъ пить, говорю я.—Оно конечно, разница здѣсь большая. Одно дѣло, когда чиновникъ надъ тобой начальникъ, другое дѣло, когда онъ у міра, у общества, какъ вродѣ приказчикъ нанятой. Только, думается мнѣ, это еще только полъ-дѣла. Положимъ, скажемъ такъ, чиновникамъ мы руки укоротили, посадили ихъ подъ начало народное, на отчетъ. Все жъ еще кулаки да помѣщики остаются, могутъ еще надъ нами насиліе взять Самъ-же ты сказывалъ; „кто богатъ, да силенъ, тотъ отъ податей всегда будетъ льготенъ“

— И объ этомъ, братъ, умные люди подумали, какъ быть. Перво на перво, когда законы будутъ другіе, когда народъ будетъ самъ управляться, не такъ-то легко будетъ кулакамъ забрать власть. Такъ своевольничать какъ теперь, никогда имъ не позволятъ,—найдутъ на нихъ управу. Рабочему люду жить станетъ куда легче, податей будетъ поменьше, да и тратить безъ разуму народныя денежки никто не посмѣетъ. Но правда, твоя, поколь будутъ богатые и бѣдные, пока будетъ одинъ человѣкъ, какъ рабъ, работать на другого, а другой будетъ только нѣжится да бездѣльничать, настоящаго равненія между людьми не будетъ; не будетъ подлиннаго счастья на землѣ. Чтобы всѣмъ людямъ равно хорошо жилось, надо такіе порядки завести, чтобы ни бѣдныхъ, ни богатыхъ не было, да чтобы проявиться они не могли. Откуда бѣдность, откуда богатство? Оттого, что теперь одинъ человѣкъ можетъ завладѣть тѣмъ, безъ чего всему народу жить нельзя. Возьмемъ, для примѣра, землю. Безъ земли куда дѣваться? Кажись должна бы быть земля общей нашей матерью кормилицей, всѣмъ на пользу; а теперь вотъ какой то десятокъ богатѣйшихъ помѣщиковъ считаютъ въ своей собственности столько земли, что на ней могли бы разселиться десятки тысячъ народу. Зато рядомъ безземельными бобылями множество мужиковъ маются, либо бредутъ въ Сибирь новыхъ мѣстъ искать, либо закабаливаются въ батраки къ этимъ самимъ помѣщикамъ. Въ деревнѣ нашего брата землей тѣснятъ, въ городѣ-фабрикой. Тамъ тоже не мало нашего брата, рабочихъ, налегкѣ похаживаютъ: руки здоровыя, работать охота, да по нынешнему времени какое дѣло ни возьми—

голыми руками не много наработаешь. Теперь вездѣ пошла въ ходъ машина: съ ней заготовка всякаго товара идетъ ходчѣе и быстрѣе; противъ машинной работы ручная работа никогда не устоитъ. Только, братъ, машина хоть и хорошая штука, да только припомнишь поговорку: хороша Маша, да не наша! Какъ земля разобрана по рукамъ, въ вѣчное владѣніе, такъ и фабрики, и машины и дороги желѣзныя. Смекнулъ теперь, къ чему я рѣчь веду? Всѣ богатства земныя все создано руками человѣческими; не даромъ говорится, что безъ труда нѣтъ плода. Тогда нужно, чтобъ трудъ-то человѣческій было-бъ къ чему приложить. Нужна земля—это первое; нужны инструменты, машины, приспособленія всякія, и чѣмъ дальше, тѣмъ больше,—это второе. Попробуй теперь оставить все такъ какъ есть: земли, фабрики, заводы, словомъ все безъ чего трудъ человѣческій безплоденъ, что можно пріобрѣтать отдѣльному человѣку въ свое вѣчное владѣніе. Что выйдетъ? А выйдетъ то, что кто половчѣе да поворотливѣе, всякими правдами и неправдами накопитъ въ своихъ рукахъ машинъ, денегъ, земель, да и начнетъ съ помощью этого своего капитала другихъ закабалять. Ему ужъ самому-то работать не нужно: зачѣмъ ему? У него ужъ теперь деньга деньгу родитъ. Онъ припускаетъ къ своей землѣ да къ своему капиталу безземельныхъ и разорившихся мужиковъ—грѣхъ да бѣда на кого не живетъ—да такъ то за чужимъ горбомъ и живетъ всласть, въ свое удовольствіе. Вотъ тутъ они всей злой барской механики главные корни причины. Земли, да фабрики, да машины—словомъ, все-то безъ чего нельзя трудиться, нельзя работать—несправедливо отдавать въ руки отдѣльнымъ людямъ. Этимъ отдается имъ въ руки полная власть чужими руками жаръ загребать. А коли мы хотимъ по совѣсти устроиться, по правдѣ да по справедливости, такъ это все должно быть общее: земля должна быть ни твоя, ни моя, а общая, всѣмъ на пользу; по согласію, по справедливости, да по равненію и пользоваться отъ нея всѣмъ. Фабрики, да заводы—чтобы были не хозяйскія, а самихъ рабочихъ. Большія заведенія, желѣзныя дороги, рудники, пароходы—это чтобъ принадлежало все народу и, чтобы чрезъ особыхъ выбранныхъ завѣдывалъ этими дѣлами весь народъ. Теперь отъ нашего труда всѣ эти купцы, желѣзнодорожники, фабриканты прибыль, барышъ имѣютъ. А что такое барышъ? Это наши потъ и кровь. Уничтожимъ это самое частное рожденіе, частную собственность, замѣ-

нимъ ее общимъ владѣніемъ—и пойдетъ къ черту всякій барышъ, а останется только общій трудъ на общую пользу...

— Такъ говорилъ Степанъ: даже раскраснѣлся весь, все хочетъ мнѣ какъ нибудь пояснительнѣе это дѣло растолковать. А я слушаю—боюсь словечко мимо ушей пропустить. Вижу, что здѣсь самая суть всей правды справедливости сокрыта... И чувствуется мнѣ, будто до тѣхъ поръ, равно какая-то завѣса черная закрывала мои глаза, и начинаетъ мнѣ эту завѣсу Степанъ приподымать...

— Погоди, говорю—погоди немного... Дай мнѣ хорошенько мозгами поворочать, раскусить да разжевать хорошенько все, что ты мнѣ сказалъ. Когда, братъ, изъ темноты сразу на дневной свѣтъ, выйдешь, такъ всегда глаза слѣпитъ, сразу и не оглядишься... Дай срокъ съ мыслями пособраться...

— На то, говоритъ Степанъ,— и началъ я съ тобой объ этомъ дѣлѣ толковать, что вижу: есть у тебя своя голова на плечахъ. А коли человѣкъ съ разумомъ, такъ ему нужно только дорогу показать,—самъ дальше своимъ умомъ доберется. Прощай покуда; надумаешься о чемъ нибудь—опять заходи, по душамъ съ тобой потолкуемъ.

Ушелъ я отъ Степана, словно шальной. Думъ въ головѣ-словно пчелиный рой. Одна дума другую перегоняетъ. Всю ночь не спалось, только къ утру заснулъ. На другой день хожу, чувствую, словно какой-то новый человѣкъ во мнѣ родился. Или словно вывелъ меня кто то на высокую гору, и сталъ я далече видѣть... Широко-далеко вольный свѣтъ растилается, только вдали, какъ въ туманѣ, невѣдомыя земли лежатъ...

И думалось мнѣ: да, должна быть правда на землѣ. Не все же кривдѣ надъ нами царить, не все-же ей опутывать насъ, мужиковъ своей хитрой механикой. То и бѣда наша была, что мы своихъ думъ до конца не додумывали. Владѣемъ, къ примѣру, своей землей всѣмъ міромъ, стараемся, какъ по справедливости, никому въ обиду не дать ею пользоваться, а того и не додумаемъ, что всему-бы русскому народу надо такой-же міръ составить, и свою и помѣщичью землю въ общее уравнительное владѣніе пустить... Или, къ примѣру, завели мы общественную мельницу, общественную молотилку и всѣ видимъ отъ того прямую выгоду:—то, что раньше мельникъ да помѣщикъ

съ насъ въ свою пользу брали, теперь на мірскія нужды пошло. А того и не вдомекъ, что по всей землѣ тоже надо бы и дороги желѣзныя, и руды золотыя и мѣдныя, и фабрики, и пароходства отобрать для общественной пользы... Или держимъ старшину на отчетѣ, учетниковъ надъ нимъ назначаемъ, смѣняемъ его, коли не любъ;—а тутъ же надъ всей землей позволяемъ министрамъ и губернаторамъ безотчетно и самовольно распоряжаться, какъ только ихъ душенькѣ угодно.

И думалось мнѣ: великое это дѣло распутать всю эту механику хитрую барскую, расшибить ее на мелкіе кусочки, и разсѣять по вольному вѣтру, на всѣ 4 стороны! за такое дѣло голову положить не жалко... Только какъ къ этому дѣлу приступиться?

Объ этомъ и повели мы рѣчь со Степаномъ, когда съизнова сошлись потолковать.

— Что говорить,—молвилъ Степанъ,—мудрѣйшая штука добиться всего этого, и, можетъ, еще много лѣтъ пройдетъ пока народъ по всей полной правдѣ свое житье устроитъ. Много еще нужно поработать, пока золотое время настанетъ... Надо прежде всего добиваться, чтобы не было чиновниковъ, а правилъ бы всѣмъ народъ самъ, чрезъ своихъ выборныхъ. Ко́гда станетъ народу легче жить, поокрѣпчаетъ онъ, съумѣетъ и полную волю и счастье добыть. Что же пока то дѣлать? Неужто-же сидѣть у моря да ждать погоды? невтерпежъ вѣдь ужъ становится, самъ знаешь. Самый смирный мужиченка—и тотъ иной разъ такія рѣчи ведетъ, что только оглядываешься, нѣтъ ли гдѣ урядника, не подслушалъ бы, Боже упаси... Да коли долго такую собачью жизнь вести, такъ и народъ то весь вымретъ отъ голода;—вѣдь, что ни годъ, то голодъ, да и въ урожайный годъ, когда досыта-то наѣдаешься? Правда, слышалъ я, что народъ ужъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ подымается, отбираетъ у помѣщиковъ хлѣбъ и скотъ, жжетъ ихъ усадьбы, да толку что-то изъ этого я вижу мало. Пришлютъ войска, перепорятъ мужиковъ, иной разъ пристрѣлятъ нѣсколько человѣкъ, и все опять тихо. Да и куда намъ, мужикамъ, справиться; все то у нихъ въ рукахъ, и войско за нихъ, и деньги у нихъ, и знаютъ то они куда больше насъ, мужиковъ. Вѣдь, этакъ значитъ, и не быть никогда добру для крестьянства. Этакъ, значитъ, ничего и не подѣлаешь,—ложись да помирай!

— Ну, ужъ это ты, Андрей, больно пріунылъ. Страшенъ врагъ, да милостивъ Богъ. Справиться намъ еще можно.

— Куда же намъ, мужичью, да противу такой силищи?

— Да пойми же, милый человѣкъ, что силища то ихъ вся же въ насъ же мужикахъ. Ихъ что—горсточка: плюнуть да растереть. А насъ, мужиковъ, большія милліоны. Ихъ войско-то откуда? изъ нашего-же брата. Ихъ деньги-то откуда? изъ нашего-же кармана. Ну, а кабы мужичье да за умъ хватилось—тогда вѣдь совсѣмъ другая пѣсня вышла бы. Кабы солдатики то, братья наши, стали на нашу сторону противъ своего офицерства да генеральства; кабы мы, мужики, имъ денежекъ то платить да на ихъ поляхъ работать не стали; кабы рабочіе на фабрикахъ ихнюю работу побросали, да и то, что отнято у насъ да у нашихъ дѣдовъ этими кровопійцами, у нихъ бы отобрали?—какъ ты думаешь, Андрей, много-ли у нихъ осталось силищи-то? А что они всѣ за одно, такъ это еще бабушка на двое сказала. Они точно, почитай, всѣ противъ нашего брата, мужика, но промежъ собой у нихъ идетъ много воровства да прижиманія. Всякій-то норовитъ себѣ отхватить кусъ покрупнѣе да поскуснѣе. Всякій-то норовитъ поднадуть другого да пообчистить ему карманы. И все то держится на воровствѣ да на мошенничествѣ. Вся-то ихъ хитрая механика выросла изъ одного корня: никому не вѣрь; тащи, что сможешь; а совѣсть—къ черту. Нѣтъ, братъ, коли собрались вмѣстѣ воры естественные, такъ они за одно и быть не могутъ. А что на счетъ науки, такъ это ты правильно сказалъ, что темнота наша поперекъ дороги намъ стоитъ, но вѣдь понятіе, братецъ ты мой, дѣло наживное. Вѣдь вотъ было время, и я былъ безъ понятія, а теперь вотъ тебѣ хитрую механику разъясняю. Такъ и другой, и десятый, и тысячный. Нынѣ, братъ, почитай, нѣтъ той глухой деревни, гдѣ бы грамотнаго не было, а гдѣ побойчѣе мѣсто, такъ грамотѣевъ-то не оберешься. А грамотѣямъ, братъ, вся правда-истина открыта, потому-что она вся въ книжкахъ-то пропечатана.—Ой-ли? говорю;—а чтожъ я равно бы такихъ книжекъ не видѣлъ?

— Не зналъ, гдѣ искать, потому-то и не видалъ, отвѣчаетъ Степанъ, да и вытаскивать пару книжекъ изъ сапога: такъ махонькія; одна въ красной обложкѣ, на ней мастеровой нарисованъ и написано „Кривая доля“, а на другой

написано „Бесѣды о землѣ";—и даетъ мнѣ. Взялъ я ее, повертѣлъ. Книжка, какъ книжка, и „одобрено цензурой"—это-то я уже зналъ, что, значитъ, начальство книжку продавать разрѣшило—написано и все, какъ на всѣхъ книжкахъ бываетъ.

— Что-же, говорю,—такихъ книжекъ на базарѣ не мало видѣлъ.

— То-то вотъ, и есть, что только съ наружи эта книжка, какъ всѣ оказывается. А на самомъ дѣлѣ книжка эта не простая, не такая, что начальство одобряетъ. Эту книжку наши благопріятели выпустили и напечатали въ ней всю правду про волю царскую; какую намъ царь волю далъ, и какъ намъ свою собственную волю добывать.

Только обложку пришлось имъ такую сдѣлать, какъ у всѣхъ книгъ бываетъ, для того, чтобы намъ легче было такія книги отъ начальства прятать.

Увидитъ у тебя, скажемъ, урядникъ и не разберетъ, что эта книжка такая, какія имъ у насъ отбирать велѣно. А если, прочитавши, и пойметъ, что дѣло не ладно и напустится на тебя, то у тебя всегда отговорка есть: знать, молъ, не знаю, что книжка вредная, вотъ на ней и „одобрено" написано. Ну, признаться, удивился я. Ужъ и порядки у насъ. Вонъ вѣдь на какіе извороты пускаться приходится, чтобы правду сказать. И вдругъ это вступило мнѣ въ голову: кто же эти правдивыя книжки пишетъ да печатаетъ?

— Степанъ Васильичъ, говорю: вѣдь не иначе, что изъ ученыхъ людей, господскаго званія, которые книжки то эти сочиняютъ?

— Извѣстное дѣло! Есть вѣдь совѣстливые люди во всякомъ званіи. Конечно, у котораго душа соломенная, такъ онъ объ этомъ никогда не задумывается. А есть вѣдь такіе, для которыхъ правда всего дороже. Этакій, конечно, для души, для совѣсти своей дѣлаетъ, а не ради корысти.

Вотъ такъ-то вотъ и пошли сперваначалу изъ господскаго званія соціалисты, которые нашу руку держатъ. Вотъ они книжку то эту промежъ нашимъ братомъ и пускаютъ.

Задумался тутъ я.

Тоже, говорю,—начальство ихъ, поди за это по головкѣ не гладитъ?

— Эвона! крикнулъ—Степанъ. Мало-ли ихъ по тюрмамъ сидитъ, да въ Сибирь сослано-ровно лиходѣевъ какихъ. Сколько изъ нашихъ кровныхъ денегъ теперь тратятъ на полицію и на жандармовъ, лишь бы такихъ людей ловить да подальше запрятывать. И годъ отъ году все больше начальство тратить на это. Нельзя ему иначе: теперь соціялисты повсюду пошли. Среди фабричныхъ то ихъ сколько развелось, что сладу нѣтъ съ ними полиціи. А теперь и среди нашего брата, мужика, тоже не мало завелось такихъ-же.

Не даромъ министръ въ нынѣшнемъ году новыхъ полицейскихъ стражниковъ для деревень заводитъ. Денегъ народныхъ на это уйдетъ тоже не мало.

Это, братецъ ты мой, называется: мои-же вилы да мнѣ же въ рыло! Ахти, дѣла-то какія!

— А что Степанъ Васильичъ, между фабричными-то шибко это дѣло пошло?

— Еще бы не шибко. Одно-то возьми: то тутъ, то тамъ стачки да стачки.

— Это что-жъ такое?

— Стачка-то? По нашему сказать забастовка. Ежели, къ примѣру, на фабрикѣ больно плохо рабочимъ живется, вотъ они и начинаютъ пробовать свою силу надъ хозяиномъ. Сперва добромъ говорятъ хозяину, или скажемъ управляющему: „повысь разсцѣнки на столько-то“, либо: „уничтожь безбожные штрафы“, либо: „уменьши рабочую смѣну на одинъ часъ“, словомъ, что ихъ больше допекаетъ, то они и требуютъ, чтобы контора фабричная уничгожила. Если же контора не сдѣлаетъ по справедливости, то рабочіе бросаютъ работу всѣ сразу и не робятъ пока контора не сдѣлаетъ по справедливости. Ну, отъ такой остановки фабриканту большой убытокъ; потому контора часто соглашается на требованія рабочихъ. Вотъ въ этихъ-то забастовкахъ соціалисты и помогали фабричнымъ давно ужъ. Оттого фабричные-то нынѣ уже многое раскусили. Они ужъ по многимъ мѣстамъ воли и земли требуютъ.

— Вотъ это ловко! А чтожъ эти самые соціалисты къ намъ крестьянамъ не идутъ?

— Какъ не идутъ! Ходятъ и между нами, и книжки пущаютъ: да вѣдь ты подумай: насъ-то крестьянъ до 100 милліоновъ душъ будетъ; такъ скоро-ли насъ обойдешь?

— Да, говорю,—дѣйствительно. Плохо же наше дѣло!

— Ничего не плохо; надо только самимъ не сидѣть ложа руки, а дѣлать тоже, что соціалисты дѣлаютъ.

— А какъ?

— Такъ. Вотъ, примѣрно, скажемъ, кто у насъ добрые умственные общественники, надежный народъ? Я такъ полагаю: Иванъ Парменовъ, да Степанъ Желтухинъ, да Григорій Сердюковъ. Вотъ и пригласимъ мы ихъ къ себѣ и составилъ впятеромъ братство такое. Дадимъ другъ другу обѣщаніе крѣпко вмѣстѣ держаться, всѣмъ за одно во всѣхъ дѣлахъ стоять, все съ общаго согласія дѣлать. Главное наше дѣло пока будетъ—раскрывать всѣмъ глаза, всю правду втолковывать. На сходкахъ во всѣхъ дѣлахъ будемъ дружно стоять за правду, не будемъ поддаваться богатѣямъ да кулакамъ. Будемъ уговаривать крестьянъ нашего и окрестныхъ селъ не брать землю у помѣщиковъ въ аренду дороже справедливой цѣны, не итти къ нимъ на работу за гроши. Если насъ много будетъ, то окрестнымъ помѣщикамъ да кулакамъ трудно будетъ съ нами справиться. Какъ откажутся окрестные мужики въ горячую пору итти къ нимъ на поденщину или не станутъ снимать землю—что они подѣлаютъ? Издалека вѣдь тоже не всегда рабочихъ выпишешь, да и не выгодно это. Иной разъ каждый часъ дорогъ, а тутъ ищи-рыщи поденныхъ. Коли это не поможетъ, и если какой земскій, либо другое начальство начнутъ очень ужъ тѣснить крестьянъ, то вѣдь не мало и другихъ способовъ ихъ обломать, уму разуму обучить, только надо умѣючи за дѣло взяться...

— Слава те Господи! Найдемъ средствія. Небось вонъ, шепелевскій урядникъ много поумнѣлъ съ тѣхъ поръ какъ ему ночью тамошніе ребята бока намяли.

— То-то-же! Теперь ты и собрази: ежели этакія крестьянскія братства во многихъ деревняхъ будутъ, да станутъ они промежъ себя тайный совѣтъ держать, такъ вѣдь это

какая сила будетъ. А тутъ еще городскіе фабричные рабочіе. Да студенты! Вѣдь это, если другъ за дружку стоятъ, то начальство не будетъ знать куда кинуться. Только въ одномъ городѣ рабочихъ и студентовъ усмирили, которые Земли и Воли требовали,—глянь, а въ деревнѣ крестьяне о томъ же кричатъ, а не то у помѣщиковъ землю отбирать начали!

Начальство-туда, анъ въ третьемъ мѣстѣ бунтъ—земскаго прогнали! Ты какъ полагаешь? Вѣдь этакъ—сколько ни будь солдатъ и полиціи, на всю Россію не хватитъ!

— Вотъ это такъ! Противъ ихней хитрой механики мы свою еще похитрѣе допустимъ!

— Во-во-во!.. Именно!..

— Идетъ Степанъ Васильичъ!.. Вотъ тебѣ моя рука! Составляй братство, а я отъ міра не отмѣтчикъ! Да еще Петра Каленкина приглашу изъ Воскресенскаго села: надежный, умственный парень. Онъ, значитъ, въ своемъ селѣ дальше дѣло поведетъ.

— Смотри-же: другимъ—прочимъ ни гу-гу!

— Эвона! Нешто я не знаю! Это дѣло аккуратно надо вести.

На томъ, значитъ, мы со Степаномъ и порѣшили. Вѣрите-ли, братцы: равно бы камень у меня съ души въ тѣ поры свалился! Еще-бы нѣтъ! Вѣдь ежели наше дѣло пойдетъ, да другія братства по всей крестьянской Руси раскинутся, тогда вся барская хитрая механика вверхъ тормашками пойдетъ!

Каталогъ издательства «ЕДИНЕНІЕ», Одесса.

Бабушка Тарасъ. Правдивая исторія о русскихъ царяхъ (Русская исторія въ стихахъ) ц. 35 к.

С. Сѣрый. Какъ русскій народъ добылъ себѣ „Землю и Волю" (Исторія русской революціи въ стихахъ) ц. 50 к.

Аграрныя программы: соціалистическихъ партій Западной Европы и Россіи, **съ предисловіемъ П. Маслова**. ц. 40 к

Л. Н. Толстой. Патріотизмъ и правительство, ц. 35 к.

Г. Спенсеръ. О правѣ собственности на землю, ц. 35 к.

С. Васильевъ. **Хитрая механика** или какъ незамѣтно грабятъ народъ (бесѣды о косвенныхъ налогахъ) ц. 35 к.

„Что надо знать свободному гражданину"

подъ ред. М. Бикермана.

Кн. I. Чего хотятъ соціалисты-революціонеры, съ приложеніемъ программы партіи, ц. 12 к.

„ II. Чего хотятъ соціалъ-демократы, съ приложеніемъ программы партіи, ц. 12 к.

„ III. Готовьтесь къ Учредительному Собранію (что такое Учредит. Собраніе, задачи Россійскаго Учред. Собранія, что должно дать народу Учредит. Собраніе) ц. 14 к.

„ IV. Какъ намъ править собой. (О монархіи и республикѣ, ц. 14 к.

„ V. Какъ мы будемъ выбирать (о выборныхъ системахъ) ц. 14 к.

„ VI. Какъ устроились другіе народы и что намъ у нихъ перенять, ц. 18 к.

Открытыя письма изящно исполненныя въ 2 краски по рис художника MAD на тему: **„Политическая исторія Россіи въ карикатурахъ"**. Серія 1 (10 открытокъ). Розничная цѣна за всю серію 1 р.

Россійскому пролетаріату на память о свободномъ празднованіи 1 мая. Картина въ 5 красокъ, размѣромъ 27½ × ½ с. м. Розничная цѣна 25 к.